

КРЫТОЙ

ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДР ЧЕРНОВ
КОНСТАНТИН ШТЕПЕНКО
ЕЛЕНА БЛИНОВА

Лучший детектив

Константин Штепенко

Лучший крутой детектив

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Штепенко К.

Лучший крутой детектив / К. Штепенко —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,
— (Лучший детектив)

Напряженный сюжет, захватывающие приключения и неожиданные повороты в расследовании ждут любителей жанра в сборнике «Лучший крутой детектив». В него вошли произведения Александра Чернова «Убийство в загородном доме», Константина Штепенко «Саквояж адвоката» и Елены Блиновой «Худшие враги мужчин».

© Штепенко К.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Александр Чернов	5
Глава первая. Днюха	5
Глава вторая. Полиция	16
Глава третья. Спасительница	27
Глава четвертая. Благодетельница	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лучший крутой детектив

Александр Чернов Убийство в загородном доме

Глава первая. Днюха

Неделю назад у моего старенького «БМВ» забарахлил мотор. Мне надо было бы сразу обратиться в автосервис, да я промедлил и вот теперь машина, стоявшая у меня в гараже, не заводилась. Жаль. Именно сегодня в воскресенье она была мне нужна как никогда, поскольку ехать мне требовалось в Подмоскovie, в деревню Елизарово, что находится в семидесяти километрах от Москвы. В общем, делать нечего придется ехать на электричке. На метро я добрался до Павелецкого вокзала, купил билет на электричку и спустя несколько минут сидел в вагоне. Ехал я к своей давней подруге Маше Горбуновой. Нет, у меня никогда с нею ничего не было, просто наши мамы были дружны и, когда встречались семьями, брали и нас с собою на торжества, семейные праздники, а то и просто на посиделки. Маша была старше меня на четыре года, в детстве эта разница существенная, поэтому общих игр у нас с нею не было, но, тем не менее, мы с нею общались, а после смерти родителей поддерживали друг с другом дружеские отношения – иногда созванивались, а иной раз по особым торжествам встречались. Вот и сегодня Маше Горбуновой исполнилось сорок лет, и она пригласила меня на свой день рождения на дачу. Говорят, что юбилей сорок лет особо с размахом не празднуют, вроде как эта цифра ассоциируется с поминками на сороковой день, вот и Маша пригласила к себе на день рождения всего лишь нескольких человек, своих близких друзей, в число которых попал и я – ваш покорный слуга Игорь Гладышев. Маша окончила финансовую академию, работала бухгалтером в частной фирме, долгое время не выходила замуж и вот пять лет назад, наконец, повстречала свою любовь, в то время сорокадвухлетнего мужчину, с которым и сочеталась законным браком. Я был на их скромной свадебной вечеринке в кругу самых близких друзей, которых насчитывалось человек десять вместе со мною. Новоиспеченный супруг Горбуновой Скобликов Борис мне не понравился, лысоватый такой с хитрыми бегающими глазками на квадратном лице с большим носом и влажными полными губами. Весь лощеный, слащавый, с небольшим брюшком и коротковатыми ногами. И чего в нем Маша нашла? Хотя и сама она была далеко не красавицей – пухленькой, круглолицей, с маленькими серыми глазами, вздернутым носом, высоким лбом, с короткой стрижкой, простушкой в общем. А супруг ее весь из себя, ходит гоголем, и хоть маленького роста, умудряется смотреть на всех свысока – словно он светило науки, а все окружающие его лаборанты какого-нибудь научно исследовательского института, в котором он директор. Хотя кто его знает, возможно, он и в самом деле светило, ибо работает в поликлинике врачом. Но нет, это я загнул, светила в поликлиниках не работают как минимум в клинике. Но да бог с ним, главное, чтобы он не мне, а Маше нравился. Ведь как говорится, ей с ним жить. И она с ним живет, вот уже пять лет (надеюсь, в ладу и согласии), детей правда нет, но кто знает, возможно, еще и будут, несмотря на немолодой для рождения ребенка возраст супружеской четы. Да и ехал-то я не к нему, а его жене моей подруге Маше и то, что он мне не нравится дело мое сугубо личное.

А людей в вагон прибыло прилично, поскольку был воскресный день, кое-кто ехал на дачу, толкотни не было, но почти все сидячие места были заняты. Наконец двери закрылись, поезд дернулся и плавно и медленно тронулся с места. Мы ехали какое-то время по Москве, и

на каждой станции народ в поезде все прибывал и прибывал. Через некоторое время столица осталась позади, начался пригород и, чем дальше мы ехали, тем реже становились дома, а вскоре по обеим сторонам вагона потянулся лес. Была середина довольно-таки сухого жаркого лета. Буйная растительность обступала поезд и, казалось, вот-вот встанет перед электропоездом сплошной стеной, и он остановится. Но лес расступался, и электричка ехала все дальше и дальше от Москвы, оставляя за собою деревья и иной раз встречающиеся среди них дачные домики.

Полтора часа спустя электричка остановилась на станции Елизарово. В вагоне было душно, и я, выйдя на улицу, с удовольствием вдохнул свежий лесной воздух. Сам поселок Елизарово находился неподалеку. Отсюда, с платформы, были видны стоявшие невдалеке дачные дома. Я постоял немного, любясь загородным пейзажем, потом двинулся по открытой местности по дороге, ведущей к Елизарово. В поселке были несколько улиц с нетиповыми, построенными в разные годы существования поселка самостройными разнокалиберными домами. Я когда-то был у Маши на даче, а потому уверенным шагом двинулся по центральной дороге. Горбунова жила по левой стороне улицы в середине ее. Двор и одноэтажный деревянный дом утопали в зелени. По периметру забора росли кусты смородины и малины. Сзади дома, как я помнил по предыдущему приезду к Маше, был небольшой сад из яблонь, вишен и груш. А впереди дома был огород.

Перед тем как войти во двор Маши, разминулся на дороге с высоким мужчиной лет шестидесяти с окладистой бородой.

– Здравствуйте! – поздоровался я с ним.

– Здравствуйте! – ответил мне он и прошел дальше по дороге.

Я ступил во двор, прошагал по бетонной дорожке к дому, остановился у веранды, и хотел уж было постучать в дверь, как она неожиданно открылась и на пороге возникла сама хозяйка загородного дома. Она хлопотала по даче, очевидно, что-то готовила, поскольку на ней был все еще надет цветастый халат поверх темных брюк и беленькой блузки.

– Ах, Игорёк, привет, привет! – залопотала женщина, обнимая меня. – Я так рада тебя видеть, так рада!

– Здравствуй, Маша! – сказал и я тоном солидного человека и чмокнул женщину в щечку. – Я что первый приехал? – поинтересовался я.

– Нет, – отрицательно повертела головой Горбунова. – Одна пара уже в доме. Сейчас приедут еще муж с женой и девушка Арина. Как только все соберутся, мы сразу сядем за стол. Ты проходи, проходи, она шире распахнула дверь, приглашая меня войти на дачу.

Тут дверь в дом открылась, и на веранду вышел супруг Марии Борис. Он был уже при параде – в серых брюках и бежевой просторной рубашке с коротким рукавом.

– Здорово, здорово, Игорь! – пробасил он, как обычно свысока, словно принц, снизошедший до разговора с побирушкой и протянул руку.

Я пожал ее, она была пухлой и неприятно влажной, и тоже поздоровался. Следом за Машей и Борисом я ступил в дом. Он был довольно-таки обширным, темноватым, а потому в гостиной, в которой я оказался, горел свет. Слева от гостиной, как я знал, находились две комнаты, по правой стороне еще одна комната и кухня. Дом, как я уже упоминал был старенький еще советской постройки, когда экономили на стройматериалах и дома строили невысокие. Так что гостиная хотя и была небольшой, невысокой, но в ней свободно умещался стоявший, уже накрытый для встречи гостей, два кресла и журнальный столик, а также диван, на котором сидела уже прибывшая в качестве гостей первая пара. Мужчина лет сорока был импозантен с крупной головой и густой темной шевелюрой, в которой кое-где пробивалась седина. Нос похожий на клюв орла, плотно сжатые губы, выпуклые глаза, мощный широкий лоб и твердый подбородок. Он был высокого роста, что было заметно, даже когда мужчина сидел. Одет в желтоватую сорочку и темные джинсы, на ногах летние туфли. Сидевшая

рядом с ним лет тридцати двух, тридцати пяти женщина была полной противоположностью мужчине – миниатюрная, хрупкая, светловолосая с голубыми с поволокой глазами. Симпатичная и даже более того, очень симпатичная. Точеный носик, губки бантиком, румяные щечки, подведенные брови, мягкий овал лица, словом куколка из магазина детских игрушек. Одета в красное платье с открытыми плечами, обута в красные же босоножки на высоком каблуке.

Маша и ее супруг подвели меня к сидевшей на диване парочке.

– Знакомьтесь! Игорь Гладышев, мой давний товарищ! – представила Маша, и я склонил голову и быстро вскинул ее как гусар, которого принимали в великосветском обществе дамы и кавалеры. – А это супруги Балагуровы. Руслан, – она указала на крупного мужчину, – и его супруга Анна, – последовал жест в сторону блондинки.

Пожимая мне руку, Руслан привстал, его симпатичная супруга протянула мне ручку как для поцелуя. Целовать я не стал, чай, в самом деле, не великосветское общество, а только слегка пожал.

– Игорь у нас тренер по вольной борьбе в детской юношеской спортивной школе, – продолжала представлять нас друг другу Маша, – Руслан частный предприниматель, занимается строительством, его супруга – домохозяйка.

Я снова склонил голову, прижимая подбородок к груди и улыбнулся:

– Очень приятно.

Пока я и гости перебрасывались ничего не значащими фразами о погоде, о политике, о нашем никудышном правительстве, Маша и ее супруг Борис продолжили накрывать на стол, стоявший в центре комнаты. Маша была вообще великолепной хозяйкой, превосходно готовила, да и хлебосольной была. На столе стояли всевозможные закуски: грибочки, соленые огурчики, помидорчики, а также сырные и мясные нарезки, испеченные ею пирожки и прочая снедь. Минут через десять подъехала еще одна пара и супруги устремились навстречу вошедшим в дом гостям.

Мужчине было лет за сорок, коротко стриженный, светловолосый. Он был довольно-таки красив. Чуть удлиненное лицо, прямой нос, большие глаза, красиво очерченные брови, пухлые губы, однако всю его красоту портило какое-то угодливое выражение лица, словно он заискивал перед всеми. А может быть, мне просто так казалось. Одет вновь прибывший был в летний бежевый костюм и бежевые туфли.

А вот его спутница не отличалась красотой. Она была широкая в кости, но не полная. Почти круглое лицо, которое обрамляли длинные, кудрявые каштанового цвета волосы. Рот и нос непропорционально маленькие, глаза карие, темные вразлет брови. Под носом на месте усов чуть заметный пушок, который я подозреваю, она нещадно уничтожала с помощью эпиляции. Одета в синее платье и обута в такого же цвета босоножки.

– Как доехали? Все благополучно? – спросила Маша, поочередно пожимая руки мужчине и женщине.

– Спасибо, хорошо, – ответил мужчина.

– Ну и отлично, отлично, – проговорил супруг Маши Борис, также пожимая вновь прибывшим руки.

Мужчина, выглянув из-за супружеской четы хозяев, махнул сидевшим на диване Руслану и Анне рукой.

– А-а, Руслан! Оказывается это твоя машина стоит у ворот?

– Моя, моя, – с достоинством ответил Руслан.

– У тебя же старенький «Мерседес» был. А тут я смотрю, «Ниссан Мурано» новенький.

– Да, я уж давно поменял машину, – усмехнулся Руслан.

– Значит, давненько мы с тобой не виделись, – проговорил мужчина, – а я вот все на своей «Тойоте» гоняю.

– Да ладно прибедняться-то, – все также усмехаясь, промолвил Руслан. Не нравилась мне его усмешка – злая какая-то, глумливая. – У тебя же новая тачка. «Ленд Крузер Прадо».

– А ты откуда знаешь? – удивился мужчина.

– Да знаю уж, – ответил Руслан. – Как говорится, слухами земля полнится.

– Ну, проходите, проходите, – похлопывая по плечу вновь прибывшую парочку, Маша подтолкнула их к дивану. – Вас знакомить с Русланом и Анной я не буду, а вот с Игорем познакомлю. Гладышев Игорь Степанович, – протянув в мою сторону руку, сказала Горбунова. А это Александр Сафронов и его супруга Женя Сафронова.

Сафронов церемонно поклонился, я встал и пожал ему руку.

– Саша работает энергетиком, – продолжала нас знакомить Маша, – а Женя работает со мной в фирме. Тоже, как и я, бухгалтер. А Игорь, между прочим, тренер в детской юношеской спортивной школе.

– Какой вид спорта? – осведомился Саша.

– Вольная борьба, – ответил я с достоинством.

– Здорово! – похвалил Сафронов.

– Но это еще не все... – загадочным тоном заговорила Мария. – Игорь у нас еще и сыщик-любитель.

– Да ну? – удивился Руслан. – А что значит любитель?

– Ну, он расследует частные дела, – улыбаясь мне, сказала Маша, – когда заказчики не желают обратиться по какой-либо причине в полицию, они обращаются к Игорю. И он за определенную плату помогает им.

– Должно быть, вы очень богатый человек, – усмехнулась Женя.

– Ну, да, – хмыкнул я. – Очень богатый. Вы вон на машинах приехали, а я на электричке. – О том, что моя старенькая машина стоит в гараже, я распространяться не стал. Куда мне до этих крутых мужиков на «Ниссанах» да на «Тойотах», причем новеньких.

– Ну, ждем еще одну гостью, и можно садиться за стол, – провозгласила Маша и вновь исчезла на кухне, очевидно, за каким-то очередным блюдом.

Ее муж остался вместе с нами, с гостями, и принялся нас развлекать. Язык у него был тяжеловесным, остроты плоскими, зато гонору хоть отбавляй. Мы вяло реагировали на речь супруга Маши, вежливо смеялись его шуткам.

Наконец приехала последняя гостья. Не зря мы ее ждали – королева! Девушка действительно была хороша собой. Лет под тридцать, среднего роста с потрясающей фигурой, которую подчеркивало ладно сидящее на ней короткое голубое платье. Лебединая шея с красиво посаженной головой, лицо словно лик богини. Великолепно очерченный подбородок, точеный носик, высокие скулы, и огромные-преогромные глаза с длинными ресницами. Кожа – персик, губки – лепестки алых роз. Длинные темные волосы, девушка собрала на затылке и заколола их, по-видимому, для того, чтобы не было жарко шее. У мужской части присутствующих в комнате группы людей потекли слюнки, глядя на это восхитительное создание. А девушка, прекрасно сознающая свою красоту, и какое действие она оказывает на мужчин, склонила голову и усмехнулась.

– Здравствуйте! – проговорила она с порога. Голосок у нее был бархатный, немножко низковатый, но звучал превосходно.

– Ах, Арина, Арина, здравствуй! – кинулся навстречу девушке супруг Марии Горбуновой. Старый, видать, ловелас!

Сама Мария тоже вышла из кухни с тарелкой полной тарталеток с красной икрой, поставила ее на стол и тоже устремила к девушке.

– Ну, вот, все в сборе! – сказала она, обнимая вновь прибывшую, подвела ее к гостям и представила: – Арина Синичкина.

Девушка вновь склонила голову и приветливо улыбнулась.

– Ариночка работает в модельном бизнесе, – объявила Горбунова и продолжила знакомить Синичкину с присутствующими: – Саша и Женя Сафроновы, Руслан и Анна Балагуровы... Моего мужа Бориса ты знаешь, а это, – она указала на меня, – мой лучший друг Игорь Гладышев. Между прочим, холостяк, – многозначительно закончила Маша. – И Арина, кстати, не замужем. – Горбунова выразительно, глянула на меня.

– Я это учту, – хмуро сказал я в ответ. И что за желание такое у окружающих меня людей – непременно женить мою персону. Да, безусловно, девушка хороша, но ведь не жениться же на первой встречной.

Маша хлопнула в ладоши:

– А теперь, дорогие гости, прошу к столу.

Все расселись по парам, поскольку у меня и Арины пары не было, то мы сели рядышком. Напротив нас Руслан и Анна, слева чета Сафроновых, справа – хозяин и хозяйка. За столом раздался звон тарелок, позвякивание рюмок, бульканье напитков, разливаемых в фужеры, стаканы и рюмки. Как я уже говорил, Маша была превосходной хозяйкой – стол ломился от яств.

Я поинтересовался у своей соседки:

– Чем вас потчевать?

– Давай на «ты», – предложила она. – Не возражаешь?

– Да нет, – согласился я. – И все же, чем тебя попотчевать, прекрасное создание?

Мое обращение девушка приняла и метнула в мою сторону насмешливый взгляд, а потом ответила:

– Всего понемножку. Я фигуру берегу.

– Ах, да, – улыбнулся я. – Ты же работаешь в модельном бизнесе... А кем? Прошу прощения за любопытство.

– Дизайнером одежды, – взмахнула девушка длинными ресницами и отодвинула в сторону фужер, чтобы мне удобнее было взять ее тарелку.

– Ого! То-то ты так стильно выглядишь.

– Мерси за комплиман! – не без самодовольства ответила Арина.

Я положил в нее ложку «Селедки под шубой», ложку «Оливье», кусочек колбаски, кусочек сыра, кусочек красной рыбы и тарталетку с красной икрой. Поставив тарелку перед Ариной, я спросил вполголоса: – Что же может быть общего между модельером и бухгалтером? Где могли пересечься ваши жизненные линии.

Поблагодарив меня кивком, Арина ответила:

– А моя мама и Маша подруги. Мама и отец сейчас в отпуске, отдыхают за границей. Вот я и делегирована от всего семейства на юбилей Марии.

– Что предложить выпить? Коньяк, водку, шампанское, сухое вино? – тоном бармена, зачитывающего карту вин, спросил я.

Девушка покачала головой:

– Нет, спасибо, спиртное не пью, я за рулем.

– Вопросов нет, – развел я руками. – А вот я немного выпью водочки.

– А что, разве тренеры по вольной борьбе пьют спиртное? – делая удивленное лицо, промолвила Арина.

Говорили мы вполголоса, так что нашу беседу никто не мог слышать.

– Откуда такая осведомленность, Арина? – удивился я. – В твоём присутствии Маша вроде о моей профессии не упоминала?

Девушка негромко рассеялась и, наклонившись ко мне, чтобы ее слова не достигли ушей присутствующих, тихонько сказала:

– Маша мне все уши прожужжала насчет тебя. Все расхваливает какой ты замечательный человек, сосватать хочет нас.

– Гм, – произнес я. – Интересно получается.

– Да ты не бойся, – хохотнула девушка, и легонько пихнула меня рукою в бок. – Я не собираюсь выходить за тебя замуж.

– А я вот уж было собрался на тебе жениться, – изрек я полушутливо-полусерьезно. – Да вот грехи былые не дают возможности сделать предложение.

Девушка с интересом взглянула на меня.

– И что же за грехи?

– Да так был уже разок женат, – я молитвенно сложил у груди руки, – а после развода дал обет безбрачия. Вот так бобылем и живу.

От улыбки ямочки на щеках Арины поплыли к ушам.

– Врунишка, – хихикнула она. – Бабник, небось, еще тот! Потому и не женишься, что свободой дорожишь.

– Ты прямо ясновидящая! – сказал я с притворным восхищением. – Как только соберусь жениться, непременно к тебе приду, чтобы ты мне предсказала, будет ли у меня счастливой жизнь.

– А я тебе и так скажу, – с иронией промолвила Арина, – будет! Ты, видать, балагур, а у таких людей все в жизни легко получается, и они чаще всего бывают счастливыми.

Я поднял руки вверх, словно обращаясь к кому-то там находящемуся наверху.

– Как говорится, твои бы слова, да Богу в уши... Увы, Арина, не все так просто в нашей жизни. Постарше будешь, поймешь меня.

– Несчастный старик нашелся, – хмыкнула девушка. – Жизнью битый.

– Битый не битый, а повидал немало, – я подмигнул Арине. – Так что советы или наравоучения нужны будут, обращайся.

– Учить и лечить каждый может, – парировала моя собеседница. – Сама поучать люблю.

– Что же, становлюсь в очередь. – Я посмотрел на Машу, она с видом матери перед которой резвятся ее дети, поглядывала на нас, очевидно довольная, что ее план познакомить нас удался. – А отвечая на твой вопрос, пьют или не пьют тренеры, скажу, что иногда выпивают, и иногда очень много.

– Надеюсь, не до положения риз? – вставила девушка.

– Иногда до свинского состояния, но предупреждаю сразу, к этой категории я не отношусь.

– Спасибо что предупредил. В общем, ты человек надежный и положительный.

– Что-то вроде того.

Я налил девушке «Спрайт», себе водки. Положил себе в тарелку закуску и только собрался продолжить пикироваться с Ариной как Борис постучал вилкой по рюмке и сказал:

– Минуточку внимания! Хочу предложить тост за мою жену. – Он поднялся с места, держа в руке рюмку с водкой. – Ну, что же, друзья мои, – напыщенным тоном произнес супруг Марии. – Моя жена, превосходная хозяйка. А как она готовит, – Борис закатил глаза к потолку, выражая таким образом восхищение кулинарными способностями Горбуновой. – Она не только превосходная хозяйка, она превосходная жена. Только рядом с нею я почувствовал себя счастливым человеком. Я знаю, что она никогда не оставит друга в беде, всегда придет ему на помощь. Более того, она последним поделится со своим ближним, если тому придется трудно в жизни. В общем, желаю моей дорогой супруге долгих лет жизни, счастья, успехов в труде, удач и всего самого хорошего, что может быть в этой жизни. За тебя, моя родная!

Все встали в знак уважения Горбуновой и потянулись к ее рюмке своими рюмками с напитками. Мы дружно чокнулись, выпили стоя, потом все сели и принялись закусывать. Через некоторое время за столом воцарилось оживление, сказывалось действие спиртного, а мы с Ариной вполголоса по-прежнему вели свою беседу. После второй рюмки мне

стало совсем хорошо, а после третьей весь мир стал милым и особенной стала хорошенькой Арина. Мы поболтали с нею о том, о сем, потом обменялись номерами телефонов. Вечер обещал закончиться великолепно, возможно, я сегодня поеду в Москву, на машине Арины, и кто знает, может быть, она согласится заехать ко мне домой на чашку кофе. Хотя это еще, бабушка надвое сказала. Но девушка была восхитительной, и казалась мне легкодоступной с пьяных-то глаз.

Продолжились тосты и после каждого произнесенного пожелания гости вручали Маше конвертики с деньгами в качестве подарка. Не отстал от остальных и я, сказал несколько слов в честь именинницы и тоже дал Маше конверт.

Тут, Борис хлопнул себя по лбу.

– Вот голова дырявая! – воскликнул он и вскочил из-за стола и пробормотал: – Я забыл выключить водопровод. – С этими словами он устремился в проход между стульями гостей и стеной. Добежал до двери и выскочил сначала на веранду, а потом на улицу.

Все присутствующие недоуменно взглянули на Машу, она пояснила:

– Лето засушливое, приходится поливать грядки, а когда забываем вовремя закрыть кран, вода заливает дом соседей. Они из-за этого с нами ругаются.

Вскоре Борис вернулся. Хотя никому дела не было до того перекрыл кран Борис или нет, но все посмотрели на хозяина дачи с живейшим интересом, выражая, таким образом, участие в хозяйственных делах Маши Горбуновой и Бориса Скобликова.

– Ну, что? – спросила Маша супруга. – Успел?

– Не совсем, – покачал лысоватой головой Борис. – Немного воды все же просочилось во двор Валентины.

– Ладно, – с наигранной беспечностью проговорила Мария. – Живы будут соседи. Ничего с ними не сделается, если мы немного подтопим их территорию.

– Я тоже так думаю, сказал ее супруг.

Руслан Балагуров постучал вилкой о свою рюмку, привлекая к себе всеобщее внимание.

– Минуточку внимания, господа! Предлагаю очередной тост за нашу именинницу.

Все присутствующие переориентировали свои глаза с Горбуновой на Балагурова.

– Я хочу выпить за эту еще молодую женщину, за ее душевную красоту и обаяние, которым она и покоряет окружающих людей, за ее доброту, за искренность, за ее отзывчивость, хлебосольность, за ее умение быть нужной. Хочу пожелать тебе огромного человеческого счастья, внимание и заботу окружающих, счастье в личной и семейной жизни. Оставайся, Маша, всегда такой – мягкой, обаятельной и доброжелательной. За тебя наша Мария! А от нашей семьи прими этот скромный подарок. – С этими словами Руслан протянул женщине конверт с деньгами.

Все на сей раз, уже не вставая, чокнулись друг с другом и дружно выпили. В этот момент Марии стало как-то не по себе. Она побледнела, вид у нее казался ошоловелый. Она словно размякла как подтаявшая на солнце снежная баба.

– С тобою все в порядке? – тихо спросил ее муж, однако все сидевшие за столом, услышали его слова.

– Да, – кивнула в ответ Горбунова. – Устала просто и меня ужасно клонит в сон. Ничего, ничего, все в порядке. Не обращайтесь на меня внимание.

Я по новой переключился на Арину. Я был в ударе: шутил с девушкой, смеялся, подтрунивал, и с преувеличенным вниманием слушал то, что говорила Арина – в общем, старался очаровать свою новую знакомую.

А Маша с каждой минутой становилась все более вялой. Она силилась сбросить с себя напавшее на нее недомогание, но это никак ей не удавалось и ее клонило в сон все больше и больше. Наконец женщина не выдержала.

– Вы меня извините, дорогие гости, но что-то я себя неважно чувствую, – проговорила она сонным голосом. – Пойду на несколько минут прилягу. Очень устала. – Маша встала из-за стола и, пошатываясь, двинулась в дальнюю угловую комнату, где располагался кабинет.

Глядя на супругу тревожными глазами, Борис Скобликов спросил:

– Тебе помочь, Маша?

Не оборачиваясь, она сделала отрицательный жест рукой.

– Спасибо, Боря, все хорошо, я дойду.

В комнате стало как-то сразу неуютно, и не о чем стало говорить и Борис начал искусственно поддерживать угасший разговор, что у него не очень-то хорошо получалось.

– А вы знаете, что не так давно состоялось вручение Нобелевской премии, – заговорил он с воодушевлением, но всем кроме него самого тема медицины была неинтересна. Тем не менее, все слушали или притворялись, что слушают. – И лауреатом премии стал японец Йосинори Осуми.

– И за что же его наградили? – вежливо поинтересовалась Женья Сафронова.

– За открытие в области аутофагии клеток, – охотно отозвался Борис.

На сей раз любопытство проявил Сафронов Саша.

– Что это такое аутофагия? – спросил он.

Борис Скобликов переключил внимание на него.

– Аутофагия от греческого – самопоедание. То есть клетки сами утилизируют свое содержимое. Это очень важно для понимания фундаментальной аутографии для множества физиологических процессов. Например, приспособление к голоду или для ответа на инфекцию. Еще в тысяча девятьсот шестидесятых годах биологи обратили внимание, что клетки могут уничтожать собственное содержимое, заключая их в некоторое подобие мешков. За мембранами, где это содержимое утилизируется. Вот Осуми и внес решающий вклад в понимание этого процесса. Сначала он изучил и описал аутографию в пекарских дрожжах, а затем доказал, что подобный процесс происходит и в клетках человека.

– Здорово! – заявила Арина Синичкина. – О, да, это очень интересно, Борис, но разрешите мне пойти посмотреть, что там с Машей?

Девушка встала из-за стола и, отодвинув стул, прошла в крайнюю комнату. Несколько секунд спустя она снова вышла в гостиную и аккуратно прикрыла за собою дверь.

– Ну, что там у нее? – повернув голову к девушке, спросил Скобликов.

– Спит она, – ответила Арина.

– Ну и отлично! – с видимым облегчением вздохнул Борис. – Сейчас Маша немного отдохнет, а потом снова вернется к нам.

Арина вновь приблизилась к своему месту, я вскочил и пододвинул девушке стул к столу.

– Странно как-то, – вполголоса сказал я Арине. – Гости в доме, а она спит.

– Устал человек, что ты хочешь? – ответила Синичкина и, подхватив вилкой немного салата, сунула его в рот.

На этот раз взял слово Саша Сафронов.

– Ну, за Машу мы уже пили, – произнес он, поднимая бокал с безалкогольным напитком, – а теперь давайте выпьем за супруга Марии Бориса. Он отличный хозяин в своем доме, и это отрадно. Пускай у тебя на работе будет все превосходно. Пускай дом посещают только хорошие люди, ну и, наконец, счастья тебе и Маше в вашей семье!

– Хороший тост, – сказал Борис, наливая себе в рюмку водки. – Спасибо!

Все снова налили алкогольные и безалкогольные напитки в рюмки и фужеры, чокнулись друг с другом и дружно выпили. Я тоже не пропустил тост, одним глотком выпил содержимое рюмки, а затем закусил кусочком колбасы и сыра.

Руслан Балагуров чокнулся фужером с «Кока-колой» с Борисом, сказал «За тебя!» и хотел было отпить напиток, но в этот момент зазвонил его мобильный телефон. Он поставил фужер, достал мобильник и, взглянув на дисплей, ответил на вызов.

– Да, я слушаю, Василий, – проговорил он и, поднявшись, сказал присутствующим в комнате: – Извините, я выйду, очень важный звонок.

Он дошел до конца комнаты, вышел на веранду, а затем и во двор. Остальные чокнулись и выпили, кто спиртные, а кто безалкогольные напитки.

От выпитого спиртного по моему телу расплзлась истома, я чувствовал себя так, будто за спиной у меня выросли крылья, мне казалось, что я неотразим и могу запросто завоевать сердце любой девушки.

– Как насчет того, чтобы нам еще раз с тобой встретиться? – спросил я тоном старого ловеласа, соблазняющего невинную девушку.

Арина окинула меня изучающим взглядом, очевидно, она поняла, к чему я клоню и усмехнулась:

– Мы же с тобой уже встретились, чего тебе еще надо?

– Не-ет, наедине-е, – пропел я нахально.

– Но мы же с тобой еще не расстаемся, – уклончиво промолвила Синичкина. – А дальше будет видно.

Несмотря на выпитое, у меня хватило ума не настаивать на встрече, иначе девушке могла не понравиться моя напористость и она запросто могла послать меня подальше.

Вернулся Руслан. Вид у него был довольный, очевидно, разговор произошел с собеседником результативный, он сел на свое место и, подняв бокал с «Кока-колой», посмотрел поверх него на Бориса.

– За тебя! – он сделал несколько глотков шипучего напитка, поставил фужер на стол.

– Теперь пришел мой черед прогуляться, – хихикнула жена Руслана Анна, поднялась со своего места и пошла прочь из комнаты.

В это время Саша Сафронов рассказывал присутствующим байки о том, как он с женой отдыхал в этом году в Тунисе.

– Отель был просто превосходным. Питание восхитительным. Каждый день обязательно подавали мясные блюда. Наши туристы как всегда отличались: ели впрок, сколько влезет. Ну, а до моря рукой подать. Впрочем, что я рассказываю! У меня же в машине есть посвященный Тунису альбом. Сейчас принесу.

Сафронов вскочил с места и ринулся на улицу. В это время в комнату вошла Анна Балагурова. А спустя несколько минут вернулся и Саша. Он принес альбом.

– Между прочим, альбом сделали бесплатно, в результате какой-то акции на фирме, – объявил он.

Мужчина разложил прекрасно выполненный фотоальбом на столе и стал показывать сидящим рядом с ним Руслану и Анне.

– А я слышал, что в Тунисе не все благоприятно с экологией, – проговорил Борис Скоблицов. – Что там, якобы можно подцепить заразу.

– Волков бояться в лес не ходить, – беспечно отозвался Александр Сафронов.

Обычно тот, кто показывает фотографии, всегда считает, что его снимки очень интересны тем, кто их смотрит. Вот и Саша с горячностью рассказывал где, когда и какой снимок был сделан. Закончив рассматривать альбом, супруги Балагуровы передали его нам с Ариной. Я из вежливости полистал альбом, цокнул пару раз языком, выражая свое восхищение фотографиями, затем передал его дальше Борису.

Я очень мало и редко пью. И даже три рюмки водки для меня многовато, и я, почувствовав от съеденного и выпитого тяжесть в желудке, решил немного пройтись на свежем воздухе. Никому и ничего не объясняя, направился к двери, вышел на веранду, потом

на улицу. Начинало вечереть, где-то вдалеке за лесом садилось солнце, в воздухе стояла духота, на деревьях не шевелился ни один листочек, лето в этом году выдалось жаркое. Я постоял немного, затем пошел по выложенной из кирпича дорожке к расположенной за домом кабинке туалета. Три минуты спустя я уже возвращался обратно к дому. По пути помыл под водопроводом руки, а затем вошел на веранду. В дверях столкнулся с выходившей из дому Женей Сафроновой.

Я вошел в тот момент, когда Балагурова Анна произносила очередную здравицу в честь хозяев дома. Она произнесла банальный тост с пожеланием здоровья, счастья в жизни и удач.

Я сел на свое место и присоединился к поздравлению, чокнувшись своей рюмкой с рюмками остальных присутствующих в гостиной, но пить не стал – на сегодня хватит.

Несколько минут спустя вернулась с променада Сафронова Женя. Она села за стол и выпила налитую ей рюмку водки. Дамочка любила спиртное. Примерно через пять минут Скобликов Борис забеспокоился и стал оглядываться на дверь, за которой находилась его супруга Мария Горбунова.

– Что-то Маша долго отдыхает, – пробормотал он с тревогой в голосе. – Пойду-ка посмотрю, что с нею случилось.

Борис встал, с шумом отдвигая стул, затем двинулся к двери в комнату, где отдыхала Маша. Он стукнул пару раз в нее для проформы, потом открыл и вошел внутрь. Все сидели расслабившись, разговаривая между собой, никто особого значения тому, что Борис пошел проведать свою супругу, не придавал. И тут из комнаты раздался нечеловеческий вопль. Все присутствующие в гостиной, как-то дружно вздрогнули и уставились на дверь, за которой не так давно исчез супруг Горбуновой Скобликов. Откровенно говоря, от этого вопля у меня мороз продрал по коже, но я, пересилив себя, вскочил и ринулся к двери в комнату. Все остальные остались сидеть на своих местах, словно пригвожденные. Я собрался было влететь в комнату, но на входе столкнулся с выходившим из нее Борисом. Его лицо исказилось от ужаса, руки были перепачканы кровью, все движения такие точно Скобликов был в стельку пьян. Взглянув на меня диким взглядом, он шарахнулся в сторону, ударился о дверной косяк, потом, оглянувшись назад в комнату, ткнул окровавленным пальцем внутрь.

– Маша! Маша! – пробормотал он, точно сумасшедший, дико вращая глазами. Она мертва! Ее убили!

В доме воцарилась тишина. Ничего не понимая, я отодвинул, загораживающего вход в комнату Бориса в сторону и бросился в помещение. Это был обычный дачный кабинет, с отслужившей в московской квартире мебелью, которую следовало бы уже выбросить на свалку, да вот нашлось ей место на даче. Здесь у левой стенки стоял простенький письменный стол с древним компьютером на нем, офисное кресло, два стула, справа – диван, над ним несколько книжных полок. Окно на улицу было распахнуто. Маша лежала не спине на диване, ее открытые, остекленевшие глаза смотрели в потолок. Одежда была залита кровью. Она натекла на диван и расползлась по нему темным пятном. Нигде орудия преступления видно не было. Меня замутило. Острая тоска схватила за сердце. Как жаль Машу! Кому потребовалось отнимать у нее жизнь? Я сделал сильный выдох, чтобы привести свои нервы в порядок.

Тут в комнату начали входить гости.

– Что! Что здесь случилось?! – воскликнула Арина Синичкина, а увидев мертвую Горбунову, изменилась в лице.

– Кто?! Кто мог это сделать?! – заорал Руслан Балагуров.

– Это не может быть! – схватившись рукой за сердце, вскричала Анна Балагурова.

Женя Сафронова запричитала:

– О Господи! Спаси и сохрани! За что? За что?!

Самым слабым оказался Саша Сафронов. Он побледнел, и, казалось, его вот-вот вырвет.

– Ничего не трогать! – закричал я. – Выйдите все из кабинета. И до приезда полиции сюда не входите!

– Какой кошмар! – пробормотала Женя Сафронова.

Все вошедшие в кабинет гости, кто-то, развернувшись на сто восемьдесят градусов, а кто-то, пятясь, вышли из кабинета. Я покинул комнату последним и почему-то осторожно, чтобы дверь не хлопнула, прикрыл ее.

Борис без сил сидел за столом на своем месте и бессвязно говорил:

– Я думал она ранена, не стал никого звать на помощь. Ведь я же врач, думал, окажу ей помощь. Бросился к Машеньке, потрогал ее пульс, но все было бесполезно. Сердце ее остановилось несколько минут назад. Горе! Какое же это горе! Как же я буду теперь жить без нее?! – раскачиваясь из стороны в сторону, пробормотал Борис и обвел нас растерянно-вопросительным взглядом, словно мы могли ответить на этот его вопрос.

– Но кто?! Кто это сделал?!! – вновь вскричал Балагуров. Рослый, он возвышался над всеми, стоявшими в гостиной людьми. – Это мог сделать только один из нас. Я немедленно звоню в полицию и вызываю сюда опергруппу.

– Неужели это мог сделать кто-то из нас? – ахнула Балагурова Анна. На ее красивом личике отразилось недоумение.

– А больше никому, – ответил на ее вопрос Балагуров.

– Ну, может быть, кто-то посторонний влез в окно? – рассудительно сказала Сафронова Женя.

– Вряд ли такое могло случиться, – возразила стоявшая рядом со мной Синичкина Арина.

– За что убивать Марию постороннему человеку? – проговорил уже отошедший от обморочного состояния Сафронов Саша.

– А какой резон кому-нибудь из нас убивать Марию? – встала Балагурова Анна.

– А вот я сейчас вызову полицию, – доставая мобильный телефон, сказал Руслан. – Пусть менты приедут и выяснят, кто и за что убил Машу. – Он набрал номер телефона и сказал: – Добрый день! Это полиция?... Моя фамилия Балагуров, зовут меня Руслан. Нас несколько человек. Мы приехали на дачу к Марии Горбуновой и случилось так, что хозяйку дачи кто-то убил. – Он немного помолчал, выслушивая говорившего на том конце беспроводной линии человека, потом закивал, словно тот его мог видеть и проговорил: – Да-да, адрес дачный поселок Елизарово, дом номер... Борис, какой?

Безучастный ко всему происходившему Скобликов вздрогнул. Собравшись с мыслями, ответил:

– Пятьдесят восемь.

– Пятьдесят восемь! – повторил в трубку Балагуров. – Приезжайте, мы вас ждем! Само собой, никто и ничего трогать руками в комнате, где произошло убийство, не будет... Спасибо! – он нажал на кнопку отбоя и сунул мобильник в карман.

– А теперь я попрошу всех, – произнес я громко. – Не только не заходить в кабинет, но и вообще никому не выходить из дома до приезда полиции.

– Это почему? – удивилась Сафронова.

– Потому что преступник может каким-то образом уничтожить следы преступления.

Все молча расселись за столом каждый на свое место.

Глава вторая. Полиция

Мы какое-то время сидели за столом молча, не глядя друг на друга, потом вновь затеплилась беседа.

– И все-таки мне не верится, что кто-то из нас убил Машу. Ведь это же наша Маша Горбунова, – первой нарушила молчание Анна Балагурова. – Она же мухи не обидит. У кого только поднялась рука на это безобидное существо? За что ее нужно было убивать?

Я сцепил в замок руки и положил их на стол.

– Ответив на этот вопрос, – уронил я мрачно, все еще пребывая под впечатлением увиденного трупа Маши Горбуновой, – значит изобличить убийцу.

– Это все к вопросу о пресловутом мотиве преступления, – пробурчал Руслан, и непонятно было одобряет ли он это мнение или осуждает.

– Но кто же он? – все так же с заискивающим выражением на лице Сафронов обвел взглядом сидевших за столом. – У кого имелся мотив убить Машу? У меня, например его нет. Я много лет знаю Машу и всегда хорошо к ней относился.

– Мне тоже незачем было убивать Марию, – взглянув в глаза каждому, сказала Женя Сафронова.

– Да и у меня его нет, – объявил Руслан. – И у моей супруги тоже.

– И нечто подобное может сказать о себе каждый, – сложив на груди руки, проговорила Синичкина Арина. – И все-таки у кого-то мотив был. А пока все мы под подозрением.

– Если я, – глядя в одному ему видимую точку на столе, сказал Борис, – узнаю, кто убийца, я задушу его вот этими руками, – Скобликов сделал жест рукой, как будто бы хватал невидимого преступника за горло. – И пусть меня посадят. Без Маши мне не жить на свете.

И снова за столом воцарилось неловкое молчание.

Двадцать минут спустя приехали полицейские. В дом вошли двое. Первым ступил в гостиную довольно-таки упитанный, чуть выше среднего роста мужчина с бычьей шеей. Блондин средних лет с круглым лицом с блекло-голубыми глазами, наливными щеками, закругленным носом, полными губами и двойным подбородком. Лицо у него было каким-то усталым, словно полицейскому смертельно надоело таскаться по бесконечным вызовам, участвовать в длинных допросах и дознаниях, писать протоколы. В руке у него был портфель. Он козырнул и представился:

– Майор полиции Суханов Андрей Юрьевич... А это наш эксперт Семен Александрович Леденев, указал он на человека в штатском.

Ступивший в гостиную человек был лет пятидесяти, сухопарый, невысокого роста. У него было узкое с заостренными чертами лицо, большие залысины, сильно выпирающий кадык, острый взгляд. В руке он держал чемоданчик.

– Здравствуйте! – проговорил человек в штатском.

Мы вразнобой ответили:

– Здравствуйте!

– Придется подождать пару минут, – объявил Андрей Юрьевич, – должен подойти с двумя понятыми наш третий сотрудник, он пригласит для этой миссии соседей.

И в третий раз в гостиной наступила томительная тишина.

И в самом деле, через некоторое время в гостиную вошел полицейский. Он привел двух человек: седовласого старика с морщинистым лицом, одетого в полосатые брюки и в клетчатую рубашку, и пожилую женщину с крючковатым носом, крашеными рыжими волосами, одетую в цветастый халат. Сам полицейский был молодым, приятной наружности, в ладно сидевшей на нем полицейской форме с погонами лейтенанта.

– Вот двое понятых, – изрек он, представляя мужчину и женщину. – Иван Васильевич Староверов и Софья Владимировна Дулепова.

– Отлично! – проговорил Суханов. – Познакомьтесь с нашим третьим участником группы – Владимир Алексеевич Малкин... Давайте, граждане, приступать к работе. В какой комнате произошло убийство? – спросил Суханов.

Поскольку Борис был убит горем и практически не разговаривал, ответил Руслан:

– В крайней слева комнате.

– Гости и хозяин дома остаются на месте, – распорядился майор полиции, – понятые и члены опергруппы идут за мной. – Он прошествовал по проходу между столом и стеной, толкнул дверь в кабинет и исчез в нем. Гуськом втянулись в него и понятые, а также эксперт Леденев и лейтенант Малкин.

– Господи за что же ее так?! – раздался из кабинета голос Дулеповой. Ее вопрос остался без ответа. Было слышно, как женщина всхлипнула. – Прости мою душу грешную, Машенька. Так только изверг мог с тобою поступить.

Понятой старичок Староверов оказался покрепче, никак не отреагировал на увиденную им в кабинете картину убийства. Осмотр в комнате длился несколько минут, затем в дверях, ведущих в гостиную, возник Суханов.

– Кто хозяин дома? – спросил он, обращаясь к Борису, хотя по трагическому выражению лица и согбенному телу Скобликова и так было ясно, что именно он супруг Горбуновой, а, следовательно, и владелец дачи.

Тем не менее, Борис вяло взмахнул рукой, отвечая, таким образом, на вопрос старшего опергруппы.

– Где тут у вас можно помыть руки?

Скобликов ответил не сразу. Было видно, что он крепится из последних сил, сдерживая слезы. Наконец он махнул рукой куда-то в дальний угол гостиной и сказал не очень внятно:

– Там на кухне кран и мыло. Чистое полотенце висит рядом на крючке.

Суханов прошел на кухню и, вернувшись, окинул нас беглым взглядом. – Пока эксперт в присутствии понятых будет работать, я с каждым из вас побеседую отдельно. У вас есть свободная комната для этой цели? – спросил он у Бориса.

Тот указал рукой на дверь, расположенную справа от него.

– Можно там, в нашей спальне.

– Ну что ж, давайте с вас и начнем беседу, – обратился Суханов к Скобликову. – Я конечно понимаю, вам очень тяжело сейчас говорить и, тем не менее, нужно собрать все свои силы и ответить на несколько моих вопросов. Помните от ваших ответов может зависеть найдем ли мы преступника или нет. Пройдемте.

Борис тяжело поднялся со стула и так, словно нес непосильную ношу побрел следом за майором в спальню. Дверь прикрылась, о чем разговаривали полицейский и Борис, было не слышно. Мы сидели, дожидаясь своей очереди, и перебрасывались иной раз скупыми фразами. Вскоре вернулся Борис. Он прошаркал тапочками к своему стулу, сел и уставился отсутствующим взглядом прямо перед собой в стол. По одному мы ходили в спальню, с кем-то дознаватель беседовал дольше, с кем-то меньше, наконец дошла очередь и до меня.

Я поднялся, вошел в комнату. Здесь стоял стандартный для спальни набор мебели: платяной шкаф, двуспальная кровать, две тумбочки, пуфик, пара стульев и трюмо. Одну из тумбочек Суханов перенес от изголовья в изножье кровати, устроился за ней на стуле как за столом. Второй стул стоял напротив полицейского. Я сел на него.

– Фамилия, имя отчество? – монотонно проговорил майор.

– Гладышев Игорь Степанович.

– Год рождения?

Я назвал.

- Где проживаете?
- В Москве, – я назвал адрес.
- Место работы?
- Детская юношеская спортивная школа.
- Кем работаете?
- Тренером по вольной борьбе.
- Как оказались в этом доме?
- Приехал на день рождения Марии Горбуновой.

Майор записывал, не поднимая головы. Мне была видна его макушка с очень редкими волосами с просвечивающей между ними кожей черепа.

- Давно знаете убитую?

Смерть Марии подкосила меня. Мне было жаль Машу, я испытывал тоску, состояние было угнетенным, а чувствовал я себя так, будто пробежал десять километров.

Я вздохнул:

- Давно. Считайте с детства. Наши мамы были близкими подругами.

Майор зачем-то кивнул и записал мой ответ.

- Расскажите в нескольких словах, что здесь произошло.

Я собрался с мыслями, немного помолчал, потом заговорил:

– Мы собрались за столом все вместе во главе с хозяевами дома. Немножко выпили, закусили, потом Маше вдруг стало нехорошо, она сказала, что пойдет, приляжет и, покинув застолье, уединилась в кабинете. Некоторое время спустя супруг Маши Борис обеспокоенный тем, что его жена долго не выходит из кабинета, отправился туда, а затем раздался его истошный крик. Все сидевшие за столом оцепенели, а я бросился в кабинет и столкнулся в дверях с супругом Марии, руки которого были в крови. Когда я вошел в кабинет, то увидел мертвую Машу. Ее грудь и диван были залиты кровью. Все присутствующие в доме гости вышли из ступора и бросились в кабинет. Я сразу остановил их на пороге комнаты и велел ее покинуть, чтобы не уничтожили улики. Все вышли, я закрыл дверь в кабинет, а потом Руслан Балагуров вызвал полицию. Вот вкратце и все, что мне известно.

Полицейский положил на тумбочку ручку, посмотрел на меня долгим, пронизательным взглядом, затем, прищулив глаза, проговорил:

– Вот, что, Игорь Степанович, я предлагаю вам сознаться в убийстве Марии Горбуновой. А я за это оформлю вам явку с повинной, что сыграет положительную роль на суде.

Я опешил.

– Извините.

– Еще раз я предлагаю вам сознаться, – уже строже проговорил майор, – в убийстве Марии Ивановны Горбуновой.

Тут до меня дошло, что майор предлагал подобную сделку каждому из гостей Марии. И мне он предложил точно так же, надеясь на авось.

– Мне не в чем признаваться, Андрей Юрьевич! – изрек я с достоинством. – Я никого не убивал.

– Зря вы упрямитесь, Игорь Степанович, – как-то загадочно усмехнулся Суханов. – С минуты на минуту должен приехать кинолог с собакой. Собачка умная, запросто найдет убийцу и тогда вам уже ничто не поможет. Ни явка с повинной, ни любые другие смягчающие обстоятельства.

Я вскинул подбородок.

– И все же я никого не убивал.

– Как хотите, – безразлично пожал плечами полицейский. – Мое дело было предложить, а уж вам решать, стоит признаваться в содеянном или нет. А теперь распишитесь в

протоколе дознания. Идите, в гостиную и пригласите, пожалуйста, последнего неопрошенного гостя.

Я расписался там, где указал майор, положил на тумбочку ручку и вышел из спальни.

– Тебя вызывают, – указав большим пальцем за плечо на двери, сказал я Арине Синичкиной.

Девушка поднялась и уверенным шагом направилась в спальню.

Эксперт уже давно закончил работу в кабинете, но молодой полицейский Владимир Малкин, понятые Староверов и Дулепова, а также эксперт сидели в гостиной, кто в креслах, кто на диване.

Закончился допрос Синичкиной. Она вошла в гостиную раскрасневшаяся, возмущенная. Она размашистым шагом прошла к своему месту и вполголоса проговорила мне:

– Представляешь, Игорь, этот козел полицейский предложил мне сознаться в убийстве Маши!

– И что ты ему ответила?

– Я что я должна была ответить? – негодуя, промолвила девушка. – Я что похожа на убийцу?

– Да нет, конечно, успокойся, – тихонько проговорил я. – Он и мне предлагал сознаться в убийстве Маши. Да я думаю и каждому из гостей Маши. – Это работа Суханова, и ему глубоко плевать на чувства подозреваемых. Главное для него разоблачить убийцу, а уж как он своей цели добьется, это не важно.

Наконец прибыл кинолог с собакой. Пес был огромной восточно-европейской овчаркой, кинолог же был невысоким, шуплым точно паренек, хотя возраст его наверняка равнялся годам тридцати пяти. Парочка приступила к оперативно-розыскным мероприятиям, говоря ученым языком, а если по-простому, то собачка искала среди нас убийцу. Ей по очереди давали понюхать стоящую на веранде обувь и пускали по следу. Собака бродила по окрестностям дома и неизменно возвращалась на веранду. К окну через которое преступник предположительно залез в кабинет и убил ножом Машу, она ни разу не подходила. А это значило, что никто из гостей убийцей не являлся. Наконец ей дали понюхать очередную пару обуви.

– След, Вулкан! – скомандовал собаке кинолог.

Она уверенно пошла вдоль дома по левой его стороне там, где находился кабинет потом двинулась дальше за дом, где был малинник. Затем вновь вернулась к веранде.

Мы, гости, сидели в гостиной, и отсюда нам частично было видно, а частично мы догадывались, что происходило на улице. Кинолог доложил стоявшему на веранде Суханову.

– Задание Вулкан выполнил. Человек в этой обуви подходил к наружной стороне дома к открытому окну в кабинет, затем прошел за дом и спрятал в малиннике нож.

– Он и есть орудие преступления! – обрадовался майор. Он аккуратно, как подавал ему кинолог, взял двумя пальцами за ручку, окровавленный нож и, стоя на веранде, продемонстрировал его через дверь нам, сидевшим в гостиной.

– Все ясно, – промолвил он. – Преступник во время ваших посиделок вышел на веранду надел обувь, прошел к кабинету, влез в окно, убил спящую Горбунову ножом, затем снова вылез в окно, обошел дом и спрятал орудие преступления в дальнем углу сада в малиннике. Теперь остается выяснить, чьи это туфли. Он аккуратно взял их за задники и поднял так, чтобы было видно сидевшим за столом гостям.

– Чья это обувь?

Я лишился дара речи. В руках у Суханова были мои туфли.

– Еще раз спрашиваю, чья это обувь? – повторил майор. – Преступник надеется обмануть нас? – усмехнулся он. – Напрасно. Мы же все равно вычислим, чьи это туфли.

– Они мои, – хрипло проговорил я.

– Я так и думал, господин Гладышев, – с иронией промолвил Суханов. – А ведь я вам предлагал облегчить нашу работу и сразу самому признаться в совершенном убийстве.

– Но я никого не убивал! – возмутился я. – Это какая-то подстава.

– Все так говорят, господин Гладышев... по началу. Отпираются, стараются запутать следствие, а потом сознаются в содеянном.

Все присутствующие за столом посмотрели на меня кто с ужасом, кто с презрением, Скобликов же стал медленно вставать из-за стола и тянуться ко мне, рукою пытаясь схватить меня за горло. Я отбил его руку.

– Прекрати, Боря! Никакой я не убийца.

– Подонок! – прошептал он. – Это ты! Ты посмел убить мою Машеньку. Какая же ты мразь! Мерзавец! – взвизгнул он. – Я тебя уничтожу!

– Виноват или не виноват, будет решать суд, – взял меня под свою защиту Суханов. Он вошел в дом, аккуратно поставил мои туфли у порога.

Борис, испепеляя меня взглядом, сел на свой стул.

– Но, господа! – я обвел всех беглым взглядом. – Я действительно выходил во двор, но дошел только до туалета и обратно. Я даже не приближался, ни к окну в кабинет, ни к дальнему концу сада.

– А вот это вы врете, Игорь Степанович! – со злорадными нотками сказал Суханов. – Вам удалось обвести всех нас вокруг пальца. Но собачку вы не обманите... Спасибо, Илья, за службу! Ну, и тебе, Вулкан, огромное спасибо.

Кинолог с собакой стояли на веранде. Суханов приблизился к ним, присел и протянул руку.

– Дай лапу, Вулкан!

Собака послушно подала лапу. Суханов потряс ее, затем встал, потрепал пса за холку и проговорил:

– Все, Илья, вы свободны.

Кинолог вместе с собакой вышли на улицу и двинулись к воротам, за которыми их поджидал автомобиль. На нем они и приехали на дачу Горбуновой.

В это время подъехала труповозка. Два дюжих санитаров пронесли носилки в кабинет, а потом несколько минут спустя вынесли из комнаты на носилках прикрытое простыней тело Маши. Все посторонились, пропуская мужчин со скорбным грузом. Борис испуганно смотрел на носилки, в которых незнакомые люди уносили его супругу. В его глазах стояли слезы.

– Прости меня, Маша, прости, если я когда-нибудь доставил тебе неприятности, или огорчил тебя. – Он сел на свое место и закрыл лицо руками.

Присутствующие вставшие со своих мест, пропуская санитаров, вновь сели вокруг стола.

Первой тишину нарушила Анна Балагурова.

– Как ты мог, Игорь! – произнесла она полным укора голосом. – Это же чудовищно!

– Да, да, – сказал Балагуров Руслан. – Ты сидел с нами за одним столом, был в качестве гостя у Маши и совершил убийство!

– Но за что! – патетически воскликнула Женя. – Что она тебе плохого сделала?

– Ты подлец! – с осуждением покачал головой Саша Сафронов.

Все высказались, только Арина Синичкина молчала и смотрела на меня с какой-то жалостью.

– Да пошли вы все к черту!!! – прогремел я, чувствуя как во мне поднимается злость и обида на весь мир. – Я никого не убивал, и убийца по-прежнему сидит с вами за одним столом!

– Рассказывай байки! – проговорил Балагуров. – Верить тебе дураков нет.

– Руки, Игорь Степанович, – сказал Суханов, а потом обратился к Малкину: – Лейтенант, наденьте на него наручники!

Я, пребывая в каком-то ступоре, послушно протянул руки, и лейтенант защелкнул на моих запястьях наручники.

– А теперь, Игорь Степанович, пройдемте в комнату, и мы с вами продолжим нашу не так давно прерванную беседу.

Я, негодуя на весь белый свет, и на самого себя – угораздило меня дурня притащиться на этот чертов день рождения – пошел следом за Сухановым. За мной двинулся лейтенант Малкин. В спальне майор снова занял свое место за тумбочкой, я сел напротив него. Лейтенант устроился на пуфике. Он настороженно смотрел на меня, видимо ожидая от меня какую-нибудь пакость.

– Ну, что же, Игорь Степанович! – заговорил майор. – А ведь я вам предлагал во всем сознаться, и тогда я бы оформил вам явку с повинной. Но пока еще не поздно дать признательные показания, и мое предложение о явке с повинной остается в силе.

– Я ни в чем сознаваться не собираюсь, – покачал я головой. – Это ошибка, и я Горбунову не убивал.

– Ну-ну, Игорь Степанович, – самодовольным тоном сказал Суханов. Он праздновал победу – еще бы, сходу раскрыл «убийцу», и теперь говорил со мною снисходительно-добродушным тоном. От его былой усталости не осталось и следа. – Признавайтесь!

Я упорно молчал.

– Ну, что же, гражданин Гладышев, тогда, если хотите, я вам расскажу, как было дело, а вы лишь подтвердите, правильность моих умозаключений. – Он не стал дожидаться моего ответа, и сходу заговорил: – Вы давно вынашивали план убийства Горбуновой. Когда Мария Григорьевна пригласила вас к себе на день рождения, вы поняли, что вам выпал шанс осуществить свой план. Вы приехали в гости на дачу Горбуновой и Скобликова и пока в качестве гостя сидели за столом, все думали, как бы вам убить Горбунову и поставить под подозрение всех гостей. Наверняка у вас была мысль подставить вместо себя кого-то другого, но ваши планы разрушил Вулкан. Впрочем, я отвлекся, – ухмыльнулся с тайной радостью майор. Он, видимо, считал, что я у него в кармане и, очевидно, представлял себя котом, играющим с полудохлой мышью. – Вам повезло, Гладышев! Мария Ивановна вдруг почувствовала себя плохо, пошла прилечь в кабинет на диван, а вы, улучив момент, вышли из дому, приблизились к открытому окну в кабинет, влезли в него. Женщина спала и вы убили ее ножом, затем тем же способом, что и пробрались в кабинет, покинули его и отправились в дальний конец сада, где, бросили окровавленное орудие преступления в малинник.

– Еще отпечатки пальцев нужно проверить на рукоятке ножа, – пробурчал я. – Может быть, они и не мои.

– А вы не сомневайтесь, Гладышев, мы проверим... – покладисто сказал Суханов. – Так вот, потом вы спокойно помыли руки под водопроводной колонкой, вернулись в дом и сели вместе с гостями за стол и продолжили пировать... Ну, что же, Игорь Степанович, – принялся уговаривать меня Суханов. – Признавайтесь, составим протокол, и я вам обещаю, что на судебном процессе ваше сотрудничество с полицией сыграет свою роль и вам скостят срок.

«Черт бы побрал этого Суханова и его напарника Малкина. Эти менты с удовольствием сделают все, чтобы упрятать меня за решетку, а оказавшись за нею, я ничего не смогу сделать для того, чтобы найти настоящего убийцу и снять с себя подозрение. Эх, была, не была!»

То, что я дальше сотворил, было от безысходности и, видимо, от выпитой мною водки. Я как сидел, так пушечным ударом со всего размаха сцепленными наручниками руками съездил сидевшему по другую от меня сторону тумбочки Суханову по физиономии. Разумеется, полицейский не ожидал от меня такой прыти был неподготовлен к такому удару и упал со

стула набок. Сообразив, что «подозреваемый» вышел из-под контроля, Малкин вскочил со стула и ринулся ко мне. Подняв руки вверх, я обрушил их на лейтенанта, словно рубил топором. Получив двумя кольцами наручников по лбу, Малкин опрокинулся на спину. Я ударил его ногой по лицу, чтобы наверняка вырубить, и когда тот потерял сознание, быстро наклонился и достал у него из кармана ключ от наручников. В этот момент очухался майор.

– Ах ты, гад! – заорал он что было мочи и стал подниматься.

Я не дал ему встать во весь рост, снова толкнул в проход между стеной и кроватью, и когда он упал, перевернул на него тумбочку. Пока майор барахтался, пытаюсь сбросить с себя тумбочку и подняться, а лейтенант лежал без чувств, воспользовавшись моментом, выскочил из комнаты и рванул к двери. Сидевшие за столом в гостиной люди смотрели на меня с испугом, еще не поняв, что происходит. Я же, не давая никому времени очухаться от ступора, схватил стоявшие на полу туфли и вместе с ними выскочил на веранду, а потом на улицу.

Было видно, что за воротами стоит полицейская машина – это был «Форд» с надписью на дверцах «Полиция» – и я как был в носках так кинулся к автомобилю. Ключ от наручников был на связке ключей. Там же был и крохотный пульт дистанционного управления. Значит, мне повезло.

Выскочив за ворота, я на ходу нажал на кнопку пульта дистанционного управления, централизованный замок щелкнул, открывая все двери. Я подлетел к передней водительской дверце, дернул ее на себя. Закинув туфли на переднее пассажирское сиденье, сам запрыгнул на водительское место, сунул в замок зажигания ключ, повернул его, и автомобиль послушно завелся. У меня есть отличный шанс сбежать от полицейских. Я рванул автомобиль с места и помчался по дороге. Ехать на полицейской машине без удостоверения личности, без прав было безрассудством, но я, тем не менее, погнал автомобиль по дороге, крутя баранку обеими руками со скованными запястьями.

Впереди показался пост ГАИ. Рядом с ним стоял полицейский и останавливал проезжавшую мимо легковую машину. Этого только еще не хватало! Не доехав до поста ГАИ пару сотен метров, я резко свернул в лес на проселочную дорогу. Отъехав сотню метров, остановился, заглушил мотор и, вытащив из замка зажигания ключ, с помощью ключа снял с себя наручники. Затем быстро надел туфли, и вовремя – глянув в зеркало заднего вида я обомлел. Разом прошли остатки кайфа от выпитой водки. С большой дороги на проселочную свернул автомобиль. Я посмотрел назад – это был «Ниссан Мурано» и за рулем сидел Балагуров Руслан. Рядом с ним сидел майор Суханов, из-за его плеча выглядывал лейтенант. Не мешкая, я воткнул в замок зажигания ключ, повернул его, заведя мотор, и рванул с места. Где-то слева раздался гудок электрички, и я помчался вперед, так же сворачивая вправо. Проселочная дорога вела, как я понял, к станции электрички. Я гнал автомобиль невзирая на рытвины и колдобины. Машина прыгала, но мчалась быстро. Машину я не жалел, не своя же тачка. А вот ехавший на «Ниссан Мурано» Балагуров свою машину берег. Он ехал аккуратно, объезжая рытвины и ухабы.

«Господи, Игорек, что же ты делаешь?! – мелькнула у меня мысль. – Подозрение в убийстве, побег, избиение полицейских, угон автомобиля, да-а, теперь тебе попадать в лапы полицейских нет никакого резона – разорвут на части». Подгоняемый этой мыслью я погнал автомобиль еще быстрее.

Сквозь редколесье мелькали вагоны электрички. Она стала сбрасывать скорость, подъезжая к станции. Я еще поднажал на газ, дорога в этом месте сужалась, лес стоял сплошной стеной. «Ниссан Мурано» от меня отстал, его видно не было. Я остановился, подал машину сначала назад, потом вперед, заблокировав «Фордом» дорогу. Электричка уже остановилась, и пассажиры выходили из нее. Я выскочил из автомобиля и рванул к станции. Ступеньки, ведущие на платформу, были расположены слева и справа от нее. Я был в середине. Если

бежать до ступенек, точно не успеть на электричку. Как я бежал! Словно ветер! Никогда в жизни так не бегал. Платформа была высоковата, мне по шею, но я был так напуган, что стрелою взлетел на нее. Пассажиры уже все втянулись в недра электрички, дверь стала закрываться, но я успел поставить ногу на платформу вагона. Схватив двумя руками двери, я с силой удержал их на мгновение, которого мне хватило пулей влететь в вагон. Электричка тронулась с места и стала потихоньку набирать скорость. Из лесу выскочили двое полицейских и бежали к электричке. Но напрасно, как говорится поезд уже ушел, причем в прямом смысле.

Откатив в сторону дверцу, я вошел в вагон. Пассажиры те, что видели, как я влетел на платформу, а за мной гнались полицейские, смотрели на меня с недоумением. Не задерживаясь в вагоне, я прошел в его конец, вышел в тамбур и, миновав еще один вагон, встал в тамбуре. Несколько минут спустя электричка замедлила ход, а потом остановилась.

– Малые дубки, – проговорил хриплым голосом динамик. – Следующая станция Караваево.

Поезд остановился, несколько пассажиров из него вышли, а довольно приличная толпа вошла внутрь. Двери закрылись, электропоезд дернулся, и поезд начал набирать ход.

«Проеду еще пару остановок и сойду, – подумал я. – Буду путать следы». Однако в этот момент я увидел через стеклянную дверь, как со стороны «головы» поезда в вагон вошли два полицейских. Один был плотный невысокий с угрюмым лицом, другой повыше с простецкой физиономией деревенского увальня. Они остановились у сидевшего на скамье парня, примерно моего возраста и потребовали документы. Парень достал из кармана паспорт и протянул его полицейскому.

«Уж, не по мою ли душу эти два мента? – подумал я. – А что полицейские Суханов и Малкин запросто могли связаться через диспетчерскую службу с патрулем и теперь патруль проверяет у всех подозрительных, с их точки зрения, личностей документы».

Я открыл дверь между вагонами, скользнул в одну, а вышел в другую, оказавшись в тамбуре соседнего вагона. Я миновал вагон, прошел в следующий, он был последним.

«Успею или нет доехать до остановки и выскочить из поезда пока до меня доберутся патрульные?... – прикинул я мысленно. – Черт, не успел!»

Электропоезд остановился в тот момент, когда полицейские вошли в последний вагон. Я прошмыгнул в тамбур, там двери были заблокированы. Я снова вернулся в вагон, сделал нахальную физиономию, авось пронесет, я пошел по проходу напролом через полицейских, которые остановились и потребовали у какого-то молодого мужчины документы. Едва я миновал первого патрульного, того, что был похож на деревенского увальня, второй полицейский с угрюмым лицом преградил мне проход.

– Извините, молодой человек, ваши документики! – потребовал он.

– Мне некогда, – буркнул я и попытался разминуться с полицейским.

Но он, видимо, понял, что я именно тот, кого они ищут, и потянулся правой рукой к кобуре пистолета, собираясь вытащить оружие. Ему удалось это сделать только наполовину. Когда рука полицейского с пистолетом стала подниматься вверх, я с силою ударил его по предплечью. Пистолет выпал из руки «угрюмого» на пол, сам он склонился чуть вперед, и я от всей души врезал ему локтем по челюсти. Мужчина сделал два шага назад, ударился обратной стороной коленей о скамейку и сел на нее. В этот момент электричка тронулась с места, а я получил удар сзади сбоку в левую скулу. Это вступил в драку второй полицейский с лицом деревенского увальня. Я с разворота ударил правой рукой его точно в нос. Раздался хруст, очевидно, я сломал парню нос. Он опустил лицо вниз и закрыл его руками. Я поднял с полу пистолет и, сжимая его в руке, кинулся в соседний вагон. Пока менты не очухались, у меня было несколько секунд в запасе. Я бежал зачем-то вперед по вагонам, не зная, что

предпринять дальше. «Ну, добегу я до первого вагона, а там куда? – мелькнула мысль. – Нужно как-то выбираться из этого поезда».

Я заскочил в вагон, в котором было не так много пассажиров. На первой лавке сидел парень, в ногах у него стоял полупустой рюкзак. Увидев в моих руках пистолет, он побледнел.

– Ну-ка быстро ушел отсюда! – приказал я страшным голосом.

Парень не посмел ослушаться. Дико вытаращив глаза, он вскочил с лавки и попятился по проходу, забыв о своем рюкзаке. Я, взяв пистолет за ствол, будто молоток, с силой ударил им по стеклу, оно раскололось и вылетело. Все пассажиры вагона уставились на меня изумленными глазами.

– Оставаться всем на местах! – заорал я, глянул на оконную рану – в нижней ее части торчали мелкие стекла. Запросто можно порезаться. Я бросил на пол пистолет, схватил лежавший на полу почти пустой рюкзак, накинул его на нижнюю часть рамы, затем перемахнул на другую сторону окна, держась за рюкзак, чтобы не поранить руки. Это только в кино запросто прыгают из вагонов. Сейчас же, когда подо мной мелькал гравий, я никак не мог решиться отпустить руки и спрыгнуть на землю. К счастью, электричка в этом месте делала крутой поворот, она поехала медленнее, но все равно скорость была огромной. Я висел за окном электрички, держась за раму руками, и видел только верхний край раздвижной двери. Неожиданно она открылась, и я понял, что мои преследователи вошли в вагон. Медлить дальше было нельзя. Сейчас или никогда, решил я и, оттолкнувшись от электрички, прыгнул вперед. Когда мои ноги коснулись насыпи, я сгруппировался, перевернулся через левое плечо и вскочил на ноги. Не удержавшись, упал вперед, больно ударившись коленкой о камень. Я снова вскочил и побежал к густому лесу.

Уже смеркалось, когда я вышел к дачному поселку, огороженному забором. На арке ворот было написано: «Зеленый луг». Мне нужно было залечь где-то на дно, чтобы меня не отыскивали полицейские. Возможно, это удастся сделать на территории дачного поселка? Само собой через ворота не пошел, нечего было рисоваться перед охранником, который торчал в будке рядом с воротами, а двинулся в обход дачного поселка. Когда я спрыгнул с поезда, то в горячах не почувствовал травмы колена, а теперь оно болело и немного распухло. Идти было тяжело. Тем не менее, я прошкандыбал метров триста и остановился. Смеркалось, и в дачных домиках кое-где зажегся свет. В ближайшей ко мне даче свет не горел. Возможно, хозяев нет дома? Это было бы удачей. Я решил выждать еще время, пока не стемнеет. Спустился час стемнело. Начал накрапывать дождь, сразу повеяло прохладой. И это хорошо. Дождь смоет следы и ни одна собака меня не найдет.

Пора! Свет в доме по-прежнему не горел и, скорее всего, хозяев нет на даче. Я приблизился к двухметровому забору. Из-за больной ноги с трудом перелез его и двинулся через огород к дому. Он был двухэтажным, возведенным из кирпича и пристроенным к нему гаражом. Я окинул внимательным взором пространство вокруг дома и на других территориях дач вокруг. Никого видно не было. Будем действовать. Я подошел к открывающимся вверх воротам гаража, попробовал поднять их – безрезультатно. Я прошел по периметру дома, толкая створки окон, но они все были закрыты намертво. И как только воры умудряются открыть пластиковые окна, остается вопросом. Я, во всяком случае, на такое не способен.

Я снова приблизился к гаражу, посмотрел вверх – над гаражом в доме было два окна. Если влезть на крышу, то окно будет чуть выше моей головы. Я, преодолевая боль в колене, подпрыгнул, зацепился за край крыши, потом подтянулся, закинул ногу на крышу гаража. Еще немного усилий и я окажусь на крыше. Она была мокрой, руки и ноги соскальзывали, но я, тем не менее, сумел взобраться на двускатную крышу гаража. На четвереньках дополз до конька, затем, взгромоздившись на него, перелез на другую сторону крыши и подошел к первому окну. Дождь усилился, но я, не обращая на него внимания. Как я и предполагал,

окно было чуть выше моей головы. Толкнул створку – заперто. Я приблизился ко второму окну. Толкнул – есть! Окно приоткрылось. Я толкнул створку сильнее, распахивая ее, затем взялся за нижнюю часть рамы, подтянулся, перехватил руками раму повыше, уперся стопой здоровой ноги в стену, приподнялся и, исхитрившись, поставил больное колено на подоконник. Я чуть не взвыл от боли, но, тем не менее, стоически пересилил себя, встал на второе колено и перевалился в дом.

Я лежал несколько минут без движения, прислушиваясь. В доме было тихо. По-видимому, мне крупно повезло, на даче, в самом деле, никого не было. Я еще немного лежал, стараясь унять дрожь, а когда мне это удалось, снял с себя обувь, чтобы не оставлять следы от туфель, они от дождя были мокрыми, и несмотря на боль в колене, двинулся в обход по дому. Включать свет не решился. Кто-нибудь из соседей увидит свет, вызовет полицию, а потому подсвечивал себе фонариком из телефона. На втором этаже были три спальни. Я обошел их, порылся в шкафах, обнаружил мужскую одежду – старенькие джинсы серого цвета и рубашку в клеточку. Мне необходимо было переодеться, поскольку та одежда, в которой я был, уже наверняка попала в описание «преступника» и являлось особой приметой.

Я спустился на первый этаж, вошел в ванную, здесь можно было включать свет, не опасаясь, что его увидят снаружи, поскольку ванна находилась в глубине дачного дома. Я снял с себя джинсы и осмотрел колено. Оно немножко припухло, но ничего страшного до свадьбы заживет.

Я принял душ, оделся в чужую одежду, свою же сложил в пакет, оставлять в чужом доме улики, было нельзя. Что мне было делать дальше я понятия не имел. Перекантоваться на этой даче, было бы конечно здорово, но вдруг приедут хозяева, и тогда я пропал. Ко всем моим совершенным за сегодня преступлениям, прибавиться еще одно – незаконное проникновение на дачу и воровство одежды.

В этот момент по окнам полоснул луч от фар машины. Я приблизился к окну на первом этаже, приоткрыл штору. Глянул в окно – у ворот соседней дачи остановился автомобиль. Какой марки я разглядеть в темноте да в размытое дождем окно не мог. Из него вышли двое полицейских. Они позвонили у двери в соседнюю дачу – слава богу пронесло. Вскоре из дому, прикрываясь от дождя зонтом, вышла женщина, одетая по-домашнему. Она прошла по дорожке к воротам и выскользнула в калитку. Втроем они подошли к даче, в которой я находился. Я быстро перешел к другому окну, и женщина, указывая на дачу, что-то быстро проговорила. По-видимому, не пронесло. Полицейский несколько раз нажал на кнопку звонка у калитки – в доме раздалась мелодичная трель. Разумеется, я не вышел из двери дома и не стал кричать «Кто там?», а наоборот затаился. Окно было хоть и пластиковое, но ручка стояла в «режиме проветривания», по-видимому, хозяева дома специально, уезжая, оставили окно чуть приоткрытым для того, чтобы не пахло затхлостью нежилого помещения, и то, что происходило на улице, было отлично слышно. Лязгнула калитка, раздались шаги по бетонной дорожке. Потом окно осветил луч фонаря – двое полицейских осматривали дом.

– Да нет, здесь все закрыто, – проговорил один из них.

Они подошли к двери, подергали за ручку, затем подошли к следующему окну, и так по порядку обошли весь дом, толкая створки окон.

– Может быть, женщине привиделось, что в доме у соседей блуждал огонек фонарика? – раздался все тот же голос.

– Возможно, – согласился с ним второй голос. – Но не ломать же двери в дом и не врываться в дачу. Кто знает, какие люди хозяева. Подадут еще на нас в суд.

– Тоже верно, – сказал первый полицейский. – Ну, что пойдем отсюда?

– Пойдем.

Они вновь пошли по бетонной дорожке, шаги стали удаляться, затем лязгнула калитка, и я выглянул в окно. Полицейские прошли к машине и укатили прочь. Нет, все-таки про-

несло, вздохнул я облегченно. Уже без фонарика я на ощупь прошел по лестнице на второй этаж, сел на стул, не зная чем дальше заняться. В это мгновение зазвонил мой мобильный телефон. Странно, что после всех передраг, в которых я побывал, он еще функционировал. Я достал из пакета джинсы, из них – мобильный телефон. Черт, звонила Синичкина Арина.

– Игорь, привет! – сказала она в трубку.

– Здравствуй! – проговорил я взволнованно.

– Что же ты натворил-то, Игорек? – с нотками горечи спросила девушка.

– Да и не говори, – пробурчал я. – Дел наворотил выше крыши.

– Где ты? – спросила Арина.

Я оставил ее вопрос без ответа. Кто знает, может быть, она говорит по принуждению полицейских.

– А ты что хотела?

– Помочь тебе.

– Это с какой стати? – удивился я.

– Я верю в то, что ты никого не убивал, и потому хочу оказать тебе посильную помощь.

– Какую именно?

– Я так понимаю, тебе в твоём доме делать нечего. Там наверняка уже поджидает засада. Если хочешь, я тебя перевезу в более безопасное место. Или ты и так в безопасном месте?

– Да нет, – вздохнул я. – Как раз-таки в очень опасном месте и в ещё более опасном положении.

– Давай я к тебе приеду и заберу тебя.

Я на несколько секунд задумался. «Если она действует по принуждению полицейских, то, разумеется, притащит их за собой сюда. Уж очень подозрительно, то что девушка, совершенно не зная меня, собирается оказать мне, по сути преступнику, помощь. Что если с ее помощью меня сцапают?... Хотя, будь что будет! Все равно я не смогу вечно сидеть в этом доме. Рано или поздно выйду из него и тогда какая разница попаду ли я сам в лапы полицейских или же их приведет Арина? Что так, что так, исход один – тюрьма. Но если Арина действует от чистого сердца, на что очень хотелось бы надеяться, то я, выбравшись отсюда, сумею каким-то образом доказать, что я не причастен к убийству Маши.

– Честно говоря, я не знаю какой здесь адрес, – промолвил я в трубку. – На арке было написано «Зеленый луг», а уж как сюда добираться, понятия не имею.

– Да, ладно, не волнуйся! – с теплыми нотками сказала девушка. – Я посмотрю по навигатору. Когда буду подъезжать, звякну тебе. Где-нибудь пересечемся.

– Хорошо, Арина, спасибо тебе, – растроганно сказал я.

Глава третья. Спасительница

Изнывая от вынужденного бездействия, я маялся в чужой даче мучимый вопросом: приведет ли с собою полицейских Арина или нет. Ответ на этот вопрос я так и не нашел, оставалось ждать и верить в лучшее. Мобильник зазвонил примерно сорок минут спустя. Я ответил на звонок.

– Игорь я неподалеку от дачного поселка «Зеленый луг». И знаешь, здесь полно ментов. Меня два раза останавливала ДПС. Поэтому я проехала мимо поселка и остановилась за ним, чтобы лишний раз не рисоваться перед охраной дачного поселка.

– Где эта дорога? – спросил я.

– Она проходит справа от ворот.

– Хорошо, я сейчас выйду.

– Давай, жду!

Я, прихватив пакет с моими вещами, стал выбираться из дачного дома тем же путем, которым в него пробрался. Оказавшись на крыше гаража, замер, прислушиваясь. Особенно меня интересовала дача напротив та самая, из которой женщина видела блуждающий по даче огонек. Свет на соседней даче горел, но людей видно не было. Плотно закрыть окно я не мог, но да бог с ним, все равно хозяева заметят, что в доме побывал кто-то чужой. Я соскользнул с крыши гаража на землю, обошел дом и, выйдя на улицу, двинулся по ней, слегка прихрамывая, но все же быстрым шагом. Прикинув, где находятся ворота, я определил, в какой примерно стороне находится автомобиль Арины, и двинулся в том направлении. Добравшись без приключений до забора, огораживающего дачный поселок, я благополучно перемахнул через него и потащился по обочине, стараясь держаться поближе к неосвещенным местам. Я был мрачен, моросил дождь, нагоняя на меня еще большую тоску. Вскоре я увидел за поворотом примерно в километре от центральных ворот, стоявший в темном месте автомобиль. Это был «Ситроен» четвертой модели. Завидев меня, водитель автомобиля круто развернулся и поехал ко мне навстречу. Я перешел дорогу, автомобиль притормозил, и я проскользнул в него на переднее пассажирское сиденье. Ментов вроде видно не было. Дай-то бог, чтобы Арина была на моей стороне.

– Короче, выхода нет, – проговорила Арина. Было заметно, что она взволнована тем обстоятельством, что она помогает преступнику, подвергает себя опасности быть вовлеченной в уголовное дело.

– Тебе придется спрятаться в багажник, – распорядилась девушка.

– И куда мы поедem? – не стал возражать я.

– В безопасное место, – коротко проговорила Арина. – Давай, Игорь, не тяни время, полезай в багажник!

Я вышел из автомобиля, приблизился к багажнику, он щелкнул – Арина изнутри открыла замок и тоже вышла из машины. Внутри багажника кроме «запаски» ничего больше не было. Я влез в багажник, положил на «запаску» пакет с вещами и устроил на нем голову. Лежать, скрючившись, было не очень-то приятно, но делать было нечего. Арина захлопнула крышку багажника и ее каблучки процокали к дверце водителя. Машина едва заметно вздрогнула, когда девушка уселась за руль. Мягко захлопнулась дверца, и автомобиль тронулся в путь. Машина ехала без рывков, толчков, видимо, девушка была хорошим водителем или же ехала с особой предосторожностью, помня, что в багажнике у нее находится человек. Ехали мы, наверное, минут двадцать. Затем автомобиль замедлил ход, а потом и вовсе остановился. Затем раздался мужской голос:

– Старший лейтенант Лазарев!

«Ну, все, – подумал я, – кажется, приехали!» Однако нет, не был слышен лязг затвора автомата, никто не открывал багажник автомобиля и не кричал: «Вылезай из автомобиля с поднятыми вверх руками».

Старший лейтенант, между тем продолжал:

– Откуда едете? Ах, да, это вы, девушка! Я же вас останавливал на дороге, когда вы ехали в ту сторону.

Арина звонко рассмеялась:

– У вас хорошая память на лица, господин полицейский!

– Не жалуюсь, – самодовольно сказал мужчина. Он, видимо, не прочь был поболтать с хорошенькой женщиной, и был сама любезность. – Ну, что съездили к подруге?

– О да, товарищ старший лейтенант. Отвезла подружке учебники, которые брала у нее готовиться к экзаменам в институте.

– Ясно, – сказал мужской голос. – А не страшно такой молодой да красивой разъезжать ночью по пустынным дорогам?

– Пока на дорогах стоят такие бравые полицейские как вы, мне ничего не страшно, – сделала ответный комплимент девушка. – Вам показать мои документы? – поинтересовалась Арина.

– А зачем? – беспечно проговорил полицейский. – Я их уже видел.

И в этот момент вдруг в кармане моих джинсов заиграла мелодия. Угораздило же кого-то позвонить мне так не вовремя. Меня прошиб пот. Я лежал ни жив, ни мертв. Разговор у машины прервался на полуслове.

– У вас в багажнике мобильник? – спросил полицейский.

Девушка не растерялась.

– Ой, точно! – воскликнула она. – Я ж в ветровке его оставила, а ветровку бросила в багажник. Вот голова садовая!

– Не хотите ее забрать из багажника?

– Домой приеду, заберу, – беспечно сказала Арина.

– А вдруг это важный звонок? – настаивал полицейский.

– Ей богу, товарищ старший лейтенант, не хочется выходить из машины, лезть в багажник и ковыряться в ветровке, доставая мобильник. А тот, кто звонит, потерпит, пока я доеду до дому и перезвоню ему. Да звонит-то, наверное, очередной мой ухажер. Так что может быть и перезванивать не стоит. Достали уже эти мужики!

Наконец мобильник перестал трезвонить.

– А у вас вон на заднем сиденье ветровка лежит, – подозрительно промолвил старший лейтенант. – Как же она в багажнике могла оказаться?

– А вы что, думаете, у меня на все случаи жизни одна куртка? – парировала Арина.

– Ну-у, – протянул полицейский.

Девушка вдруг заторопилась:

– Ну, господин полицейский, если у вас ко мне больше нет вопросов, я поехала.

– Всего доброго, – как-то задумчиво сказал старший лейтенант, и автомобиль тронулся с места.

Я вздохнул с облегчением – пронесло и на сей раз.

Через некоторое время автомобиль остановился, щелкнул замок багажника, девушка вышла из машины, подошла к багажнику и открыла его.

– Как ты? – спросила она.

– Натерпелся страху, – признался я.

– Я, честно говоря, тоже, – нервно хихикнула Арина. – Несла со страху, что попало. Ты тоже, не мог что ли мобильник выключить, – укорила она.

– Промашка вышла, – сконфуженно ответил я, достал мобильник, вынул из него симку и выкинул. – Говорят, полицейские могут по симке вычислить местонахождения, а то и по телефону, – пояснил я Арине свои действия.

Девушка постучала ногтями о багажник. Дождь прошел, но машина была еще мокрой и Арина стряхнула с пальцев влагу.

– Что дальше будем делать? Этот мент, я думаю, не тупой. Мне кажется, он что-то заподозрил и, возможно, передаст на следующий пост ГАИ, чтобы полицейские осмотрели багажник машины. Придется ехать вокруг.

– Мне по-прежнему оставаться в багажнике? – спросил я, полностью отдаваясь во власть Арины.

– Я, думаю, да... Ладно, поехали дальше, не будем терять время.

Мы ехали больше часу. К счастью, больше нас никто и нигде останавливал. Наконец машина плавно затормозила, девушка вышла из автомобиля, и вскоре мягко щелкнув, багажник открылся.

– Прибыли, вылезай! – скомандовала девушка.

– Никого по близости нет? – задал я вопрос.

– Нет никого. Я глянула по сторонам.

– Ну, и отлично, – проговорил я и вылез из багажника. От неудобной позы тело задеревенело, и я сделал несколько простых физических упражнений, разгоняя кровь. – Где мы находимся? – я оглянулся вокруг.

Мы стояли на небольшой квадратной автостоянке, а вокруг нас высились многоэтажные дома.

– На Преображенке, – ответила девушка. – Пойдем за мной.

Я захлопнул багажник, а Арина пикнула кнопкой дистанционного управления, закрывая двери автомобиля на центральный замок.

– В подъезде консьержка, – девушка взяла меня под руку, и мы зашагали к многоэтажке. – Не нужно, чтобы она тебя видела. Мало ли что, вдруг проявит бдительность и позвонит в полицию. Поэтому поступим так. Я ее буду отвлекать, а ты постарайся, пригнувшись, проскочить мимо окна консьержки к лифту.

Я усмехнулся:

– Ты как будто всю жизнь только тем и занималась, что помогала беглым преступникам.

– Я все же надеюсь, что ты не преступник, – с грустными нотками в голосе сказала девушка, – а честный человек. И я помогаю тебе в надежде на то, что ты на свободе сумеешь выкрутиться из глупого и чудовищного положения, в которое ты попал, и засадишь за решетку настоящего преступника. Ведь ты же сыщик.

– Поверь мне! – с чувством ответил я. – Больше всего на свете я желаю сделать именно это.

Мы подошли к высотке, поднялись по ступенькам лестницы к подъезду, и девушка приложила электронный чип к магнитному замку. Пискнув он открылся, и мы вошли в подъезд. Комната консьержки располагалась слева. Обзор из окна комнатки был небольшим, и дверь, а, следовательно, и мы с Ариной в поле зрения консьержки не попали. Девушка приблизилась к окну и заговорила с невидимой мне женщиной:

– Гуля, меня никто не спрашивал? – поинтересовалась она, наклоняясь к окошку.

– Нет, – ответил женский голос.

Я в этот момент присел и прошел гусиным шагом за спиной Арины. Миновав окно, разогнулся и проскользнул к лифту. Девушка, бросив еще пару дежурных фраз консьержке, отошла от окна. Я уже вызвал лифт, дверь открылась, и мы вошли в него. Поднялись на четвертый этаж. Вышли на лестничную площадку, затем вошли в коридор, в котором располагались двери четырех квартир. Арина открыла ключом вторую слева дверь, и мы сту-

пили в квартиру. Это была двушка с длинным коридором, в который выходили двери ванной, туалета, кухни, спальни, гостиной и гардероба. В спальне стоял, как и положено, спальный гарнитур: большая кровать, две тумбочки, плательный шкаф, пуфик. В гостиной – гостиной гарнитур. Он состоял из горки, большущего раздвижного дивана, двух кресел, кофейного столика и стеклянной тумбы, на которой стоял телевизор.

– И чья это квартира? – спросил я, прикрывая за собой входную дверь.

– Моя, – девушка бросила на трюмо свою сумочку, переобулась в тапочки, достала из тумбы для обуви мужские тапочки, бросила на пол передо мной.

– Обувайся, они новые.

– Неплохо живешь, – похвалил я девушку, снял с себя туфли и надел тапочки. Пакет с джинсами и рубашкой бросил на пол. – Такая молодая, а уже в Москве собственная квартира.

– Она мне в наследство досталась от бабушки.

– А папа с мамой у тебя живы?

– Ну, да. Живут отдельно. А мне вот самостоятельной жизни захотелось. Родители помогли в финансовом отношении сделать в квартире ремонт, и вот теперь я здесь проживаю... Иди руки мой, а потом поужинаем.

Я прошел в ванную, помыл руки, затем вытер руки полотенцем и отправился в кухню-столовую. Она была большой за счет того, что площадь помещения увеличили путем присоединения к кухне части лоджии. Здесь был черно-белый кухонный гарнитур, обеденный стол, четыре стула, на стене – телевизор.

– Чем тебя покормить? – девушка вопросительно взглянула на меня.

Чувствовал я себя в уютной квартире Арины неловко, словно я был нищий на паперти, а благодетель, богатая тетушка, оказывает моей персоне милость. Оно, в общем-то, было правдой. Я целиком и полностью зависел от Арины и был в ее власти.

– А что, у тебя богатый выбор блюд? – я хорохорился, не желая показывать Арине, что я унижен своим бедственным положением.

– Богатый не богатый, но могу предложить яичницу с беконом, паштет из печени, сыр, колбасу.

– Подавай все! – нагловато сказал я и сел за стол. В конце концов я у девушки в гостях, пусть потчует. Если она приедет ко мне, то я буду из кожи вон лезть, чтобы угодить ей. Честно говоря, после всех сегодняшних мытарств, мне не очень-то хотелось есть, однако я, через силу поужинал, тем, что Арина предложили мне, затем мы с нею стали пить чай с клубничным вареньем, печеньем и конфетами.

– И что ты обо всем об этом думаешь? – спросила у меня девушка, прихлебывая чай из чашки.

– О чем? – ответил я рассеянно.

– А у тебя что... много разных мыслей? – насмешливо поинтересовалась Арина. – На мой взгляд, в сложившихся обстоятельствах ты должен думать только об одном – об убийстве Маши Горбуновой.

– Ах, ну да, ты права, – я достал из коробки конфету и сунул ее в рот. Я действительно все время думаю, об убийстве Маши.

– Как, по-твоему, оно произошло?

Я передернул плечами.

– Ответ очевиден, даже слишком очевиден, чтобы быть похожим на правду. А произошло убийство следующим образом. Кто-то из нашей милой, в кавычках, компании вышел на веранду, надел мои туфли, вышел на улицу и, пройдя вдоль наружной стены дома, приблизился к окну в кабинет. Окно было открыто, Маша спала. Преступник влез в окно, ударил бедную женщину ножом в грудь, затем вылез в окно, надел мои туфли и спрятал в дальнем

конце сада в малиннике нож. Наверняка на нем кровь Маши, и это в ближайшее время подтвердит эксперт. Затем он вернулся к веранде, снял мою обувь и вновь сел с нами за стол.

– Ты думаешь, преступник рассчитывал на то, что по следу пойдет собака, и потому нарочно проделал трюк с твоими туфлями, пройдя в них к окну кабинета, а потом в дальний конец сада, чтобы свалить вину на тебя?

– Я думаю, так и было, – согласился я. – Более того, наверняка убийца намазал подошвы моих туфель специальным раствором, например креолином – его применяют в том числе для тренировки собак – по нему и пошел Вулкан.

– И кто же это мог сделать?

– Я думаю, четверо, – задумчиво ответил я, откусывая от очередной конфеты и запивая чаем. – Это Анна Балагурова, ее супруг Руслан Балагуров, Женя Сафронова или ее муж Саша Сафронов. Все они выходили из-за стола во двор дачи.

– Но ведь и супруг Маши Борис выходил на улицу, – возразила девушка.

– Э-э, нет, – отрицательно покрутил я головой. – Он выходил, насколько я помню, перекрыть водопровод. А в это время Маша была жива и сидела за столом вместе с нами. Вспомни.

Девушка грациозно склонила свою красиво посаженную на лебединую шею голову в знак согласия.

– Действительно припоминаю... А ты не рассматриваешь такой вариант, что убийца проник в кабинет, где спала Маша не со стороны окна, а через дверь? Ведь в нее входила я, а потом Борис.

– Нет, – я съел вторую конфету и нацелился на следующую – страсть как люблю сладкое. – Если бы это была ты или Борис, вам пришлось бы, войдя в кабинет и убив Машу, вылезти в окно, на веранде, надеть мои туфли, потом снова подойти к окну, проложив след для собаки, затем отправиться за дом, где спрятать в дальнем конце сада орудие убийства. Ну, а после потребовалось бы вновь вернуться на веранду, чтобы оставить там туфли, а потом через окно в кабинет вернуться в гостиную, где мы сидели. На эти действия ушла бы не одна минута, а минимум пять. Вы же с Борисом по очереди заходили всего лишь на одну минуту. Так что ты и Скобликов вне подозрений.

– Что ж, спасибо за то, что ты меня не подозреваешь. Ведь действительно, когда я входила в кабинет к Маше, она лежала на правом боку и безмятежно спала. Вот только за что убили Горбунову? – в огромных глазах девушки светилось любопытство.

– Вот как раз это мне и предстоит выяснить в ближайшее время. – Я запил конфету остатками чая из чашки и отодвинул ее от себя. – Арина, спасибо тебе большое за ужин и, конечно же, за помощь. Век буду тебе обязаным.

– Да ладно, – смутилась девушка. Любой честный человек поступил бы на моем месте точно так же как и я. Теперь давай-ка я тебе постелю в гостиной на диване, завтра у тебя трудный день, если нужно, ты можешь рассчитывать на меня. Могу завтра не пойти на работу. У меня есть один отгул.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил я.

Я помог девушке убрать со стола, затем она постелила мне в гостиной на диване постель, на которую я, раздевшись, с удовольствием завалился. Никаких поползновений на то, чтобы переспать с Ариной я не делал. Не такой уж я беспринципный человек, который, пользуясь расположением к себе девушки в первый же день знакомства пытается залезть к ней в постель. Мне пока еще непонятно, следует ли мне завязывать отношения с Ариной или нет. Да ей, возможно, они и не нужны. Я немного повернулся в постели, затем уснул беспокойным сном.

Глава четвертая. Благодетельница

На следующий день рано утром меня разбудила Арина. Она открыла дверь и громко сказала в комнату:

– Игорь, вставай! Пора браться за дело!

Я открыл глаза, с тоской вспомнил вчерашний день. «Как было бы здорово, – подумал я уныло, – если бы все случившиеся со мной накануне было бы всего-навсего кошмарным сном». Но нет, реальность брала за горло, заставляла сильнее биться от страха сердце, чувствовать себя одиноким, никчемным, никому не нужным. Разве что за исключением Арины, которая по неизвестной мне пока причине взяла надо мною шефство.

Я надел джинсы, прихватил с собой рубашку, покинул гостиную и, чуть прихрамывая – травма все еще продолжала давать о себе знать – двинулся в ванную комнату. С кухни доносился запах кофе, тостов.

– Я тебе положила на раковину новую зубную щетку. Бритвы, к сожалению, нет. Так что придется тебе сегодня идти небритым.

– И на том спасибо, – поблагодарил я, вошел в ванную комнату, оглядел себя в зеркало. Вид у меня был заспанный, осунувшийся, вызывающий жалость у меня самого к себе. Я взял щетку, надорвал упаковку и принялся чистить зубы. Глядя в зеркало, подбадривал сам себя. «Ладно, Игорёк, встряхнись еще не все потеряно. Если ты распустишь нюни, никому, в том числе и тебе, не будет лучше. Надо крепко сжать зубы и идти к намеченной цели, разыскивая настоящего убийцу Маши Горбуновой».

Я прополоскал рот, сунул зубную щетку в стаканчик, затем умылся, вытерся полотенцем и, надев рубашку, отправился в кухню-столовую завтракать. Девушка не кушала, дожидалась меня. На столе стояли две чашки с дымящимся кофе, на тарелках тосты, колбаса сыр, конфеты и печенье.

– Доброе утро! – сказал я, усаживаясь за стол.

– Утро доброе! – с улыбкой ответила Арина. – Завтракай плотнее, сегодня у тебя тяжелый день, неизвестно когда обедать придется, и придется ли.

– Это точно, – я подавил вздох.

– Я позвонила на работу, – откусывая от бутерброда, изрекла девушка, – и сказала, что сегодня на работу не приду. Так что весь сегодняшний день я в твоём распоряжении.

Я хлебнул горячего кофе и сказал:

– Спасибо, Арина! К счастью мне не нужно звонить на работу, отпрашиваться, потому что я сейчас в отпуске.

– С чего начнем поиски преступника? – Арина тоже сделала плоток кофе. Она, очевидно, вошла во вкус сысского дела и готова была вступить с неизвестным нам пока убийцей Маши в бой.

– До того как начать поиски мне нужно как-то изменить свою внешность, затем побывать у меня дома, и если там нет засады, то надеть другую одежду, взять кое что из предметов первой необходимости, а уж потом думать о том как найти преступника.

– Что ж, давай завтракай, да пойдем. Сам говоришь, что дел невпроворот.

Честно говоря, кусок в горло не лез от уныния, но я заставил себя проглотить пару бутербродов и выпить кофе. После завтрака, Арина быстро убрала посуду, оставшиеся сыр, колбасу сунула в холодильник и пошла одеваться.

Несколько минут спустя мы уже выходили из дома девушки. На улице от прошедшего вчера дождя было по-летнему тепло, по-утреннему свежо, по-московски многолюдно. Мы дошли до автостоянки сели в машину и тронулись в путь. У ближайшего же магазина сотовых телефонов Арина остановила автомобиль, я вышел и купил новую sim-карту. Мы снова

с девушкой обменялись телефонными номерами и снова двинулись в путь. Примерно сорок минут спустя мы подъезжали к моему дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.